

УДК 371.12.011.3-051(470.345)

**«РАБОТА УЧИТЕЛЯ ТРУДНА И ПОЧЁТНА»: УРОВЕНЬ НАГРУЗКИ И ОПЛАТЫ
ТРУДА СОВЕТСКОГО УЧИТЕЛЯ В 1930-е гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ МОРДОВИИ)**

© 2016 г.

Е.П. Ерохина

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск

einsam-keit@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.03.2016

Прослежено влияние реформ школьной системы Советского Союза в 1930-е гг. на материальное положение школьных работников Мордовской АССР. 1930-е гг. стали временем создания структуры советской школы, формирования единых учебных программ, определения законодательных требований к школе и учителю. В работе охарактеризовано влияние возросших требований к ходу учебного процесса на положение учительства. На основе анализа архивного материала и газетных публикаций рассмотрена структура занятости учителя общеобразовательной школы Мордовии в предвоенное время, обязанности, входившие в нагрузку педагогов, особенности оплаты их труда и социального обеспечения. Исследованы проблемы положения учительства и их воздействие на престиж педагогической профессии. Подробно изучены вопросы общественной работы учительства и реализации возложенной на педагогов ответственности за политическое воспитание учеников.

Ключевые слова: советская школа, заработная плата, советский учитель, материальное положение, общественная работа, уровень жизни, педагогическая нагрузка.

Наиболее интересным для исследователей истории образовательной системы периодом развития советской школы представляются 1930-е гг. Начавшись с введения всеобщего обязательного начального обучения, это десятилетие стало временем создания структуры советской школы, формирования единых учебных программ, определения законодательных требований к школе и учителю. В это десятилетие были определены основы учебной, общественной и воспитательной работы учителя, унаследованные послевоенной и даже современной школой. При этом 1930-е гг. оцениваются в историографии как время необеспеченности и социальной незащищенности учительства. Например, Н.А. Белова в работе, написанной на материалах Костромского края, отмечает характерные для этого времени задержки заработной платы, нерешенность жилищной проблемы учителей [1, с. 122]. Е.Т. Юинг на более широком статистическом материале описывает многократное повышение заработной платы с 1928 по 1932 г. и в 1936 г., особо подчеркивая роль постановления 1936 г. «О повышении зарплаты учителям и другим школьным работникам» в улучшении материального положения учительства [2, с. 93]. Доходы учителей, по оценке исследователя, росли быстрее, чем у представителей других профессий. Но данные Е.Т. Юинга также свидетельствуют о частых задержках зарплаты как об одной из главных проблем 1930-х гг. [2, с. 100].

Изучение трудовой деятельности и условий повседневной жизни советского учительства 1930-х гг. осуществлено в данной статье на материалах Мордовии (с 1934 г. – Мордовской Автономной Советской Социалистической Республики, ранее – автономной области). Источниками для написания статьи послужили материалы Центрального государственного архива Республики Мордовии (фонды Народного комиссариата просвещения МАССР) и сообщения республиканской газеты «Красная Мордовия».

Уровень нагрузки учителей второй половины 1930-х гг. вполне сопоставим с современными учительскими ставками. К тому времени в школу вернулись преподавание отдельных предметов, оценки и экзамены по ним, фиксированные даты начала и конца учебного года, точная продолжительность уроков и перемен. В фондах ЦГА РМ представлены детальные сведения по нагрузке учителей неполных средних и средних школ на 1940 г. [3] (табл.).

Очевидная более высокая нагрузка сельских учителей по сравнению с городскими связана с нехваткой учителей в сёлах, особенно в мордовских и в татарских национальных школах. Такое положение на протяжении всего рассматриваемого периода было характерно даже для начальных сельских школ, где требовались работники более низкой квалификации. В некоторых сельских школах один учитель вёл занятия у группы в 59–100 человек [4, с. 29]. До конца

Таблица

Нагрузка учителей неполных средних и средних школ в 1940 г.

Количество часов в неделю	16–20		21–25		26–30		31–40	
	Кол-во работников	В % от общего числа	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Сельские школы (всего 4067 учителей)	603	14.8	2142	52.7	1134	27.9	188	4.6
Городские школы (всего 311 учителей)	136	43.7	127	40.8	39	12.6	9	2.6

1930-х гг. обеспеченность кадрами национальных и русских школ не была приведена к одному уровню. В отчёте о работе начальных школ МАССР за 1938/1939 учебный год говорится, что в начальных школах республики не хватает 126 учителей, при этом половина – 63 учителя – нужны в мокшанских школах, 31 учителя не хватает эрзянским школам [5, с. 9].

Пока педагогов не хватало, учителя были вынуждены вести двусменные занятия или урок с двумя классами одновременно. Разумеется, это негативно отражалось на подготовке к урокам и результату работы. Ещё более сложная ситуация складывалась в сельских неполных средних школах, где учителям-предметникам, проводившим занятия в классах с 5-го по 7-й, приходилось брать на себя и начальные классы. Описывая многочисленные обязанности педагогов одной из сельских НСШ Ковылкинского района, инспектор Наркомата просвещения МАССР отмечает на совещании 1936 г.: естественно, что учитель является неподготовленным к уроку, с него нельзя и требовать подготовки – он всё время в школе [6, с. 26].

Тем не менее во второй половине 1930-х гг. усилилось внимание к качеству работы учителей. Комиссии Наркомата просвещения МАССР стали чаще посещать школы, сделав необходимыми ведение конспектов и планов уроков, создание наглядных учебных пособий, проверку тетрадей учеников. Во время первой аттестации учителей, начавшейся в 1936 г., педагога оценивали в том числе и по ученическим тетрадям и планам уроков. Эта проверка обнаружила как формальное написание планов, не используемых учителем на уроке, так и неправильно организованное ведение тетрадей, записи в которых учителем не проверялись. Но у добросовестных учителей, работавших, например, в образцовых школах, подготовительная и проверочная работа отнимала немало времени, а создание наглядных пособий проводилось в основном в каникулы [7].

Дефицит времени у учителя и ухудшение качества его работы были зачастую связаны с общественными обязанностями. В прессе не раз подчёркивалось, что учителям нельзя навязывать техническую работу – по всей видимости, использование педагогов в качестве секретарей и сельских исполнителей, сборщиков налогов было распространено повсеместно в районах [8]. Приводится такой пример – заведующий школой говорит учителям: «кончайте занятия быстрее и приходите в распоряжение сельсовета» [9]. Если учитель был коммунистом, количество общественных обязанностей возрастало. Естественно, это приводило к пропускам учебных дней.

Если учитель и не привлекался к работе в сельском совете, для него находились другие «общественные поручения»: участие в ликвидации неграмотности, в предвыборной агитации, в распространении госзаймов и т.д. Учителя без энтузиазма относились к таким неоплачиваемым общественным делам. Не удивляет слушателей случай, приведённый одним из участников съезда учителей-ударников в 1935 году: учительница, которой было предложено пойти в колхозную бригаду для читки газет, категорически отказалась, послав обратившегося к ней активиста-комсомольца к черту вместе с колхозом [10, с. 83]. Но пренебрежение общественной работой негативно воспринималось руководством. Характеристики большинства учителей, попавших в списки «неблагонадежных», которые отсылались в течение 1930-х гг. районными отделами образования в органы ОГПУ-НКВД, содержат информацию о равнодушии к общественной работе, вовлечении в неё «с трудом», «по необходимости» [11].

Другим видом общественных обязанностей учителей, которые должны были выполняться ими непосредственно в школе, была организация политического воспитания детей, руководство различными кружками и общественными объединениями. Учитывая занятость учителей учебной работой, нехватку школьных помеще-

ний и другие факторы, следует сделать вывод, что эта часть работы в 1930-е гг. выполнялась лишь формально. Даже в небольших начальных школах педагоги отчитывались о созданных ими краеведческих кружках и кружках воинствующих безбожников [12, с. 83].

В течение десятилетия власти не раз требовали повышения образовательного уровня учительства. В связи с этим практически все каникулы педагоги были заняты различными по назначению и продолжительности курсовыми мероприятиями. Формой дополнительного образования были и учительские конференции, проводившиеся в районах в январе и в августе, – на них всегда работали предметные комиссии. Однако массовым явлением заочное обучение и переподготовка педагогов стали после 1936 г. – с началом аттестации для получения персональных учительских званий. Введение персональных званий и аттестации в 1936 г. отнюдь не сделало учителей прилежными студентами, не сняло с них перегрузки, которая не оставляла сил и времени для собственного образования, но обязало их хотя бы формально завершать образование и документально это подтверждать. Объявленная массовая переподготовка учителей на заочных отделениях пединститута и педтехникумов шла плохо: у учителей было мало времени на учёбу, они пропускали сессии [13]. К тому же именно тогда произошли многочисленные аресты в Мордовском государственном педагогическом институте, которые сделали учебный процесс почти невозможным. Даже в 1939 году институт был всё ещё не укомплектован кадрами, не было толкового планирования занятий [14].

Архивные и литературные источники свидетельствуют, что учительская профессия в этот период не была привлекательной или престижной, существовала значительная текучка кадров [15, с. 178]. В начале десятилетия заработная плата была крайне низкой: например, «групповоды» (учителя начальных школ, которые вели по одному классу), получали в месяц 44–47 рублей [16]. Учителя жаловались на несправедливое распределение заработной платы: никак не оплачивалась перегрузка заведующих, оклад педагогов со стажем и новичков был одинаковым. На протяжении 1930-х гг. оплата труда педагогов выросла в зависимости от стажа, образованности и качества работы учителя.

Повышение зарплаты учителям в СССР в 1930-е гг. проводилось дважды: в 1931 и 1936 году. В 1932 году была введена система тарификации в зависимости от разряда, причём разница между разрядами была весьма значительна: ставки для учителей начальной школы были установлены от 69 до 115 руб., для педагогов средней школы от 106 до 164 руб. [17]. Поста-

новление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 09.04.1936 г. «О повышении заработной платы учителям и другим школьным работникам» установило более высокие учительские ставки – от 240 до 400 рублей в зависимости от уровня образования и педагогического стажа. Инспекции Наркомпроса МАССР не преминули отметить повысившийся уровень жизни педагогов, которые наконец-то смогли позволить себе завести небольшие личные библиотечки [18, с. 55]. Стоит отметить, что одновременно с повышением зарплаты были ужесточены требования к профессиональным качествам педагогов, проведена первая аттестация учителей.

Повышение окладов учителей не решило проблемы задержки зарплаты. Сообщения о невыплате зарплаты и квартирных учителям продолжают в течение всех 1930-х гг. Ни заведующие районными отделами образования, ни даже суды не могли помочь, если в сельсовете не было денег. «Разводят руками», «возвращают заявления» – пишут оставшиеся без дров и квартирных денег учителя Торбеевского и Рыбкинского районов [19].

В первой половине 1930-х гг. учителя, как и другие категории населения, обеспечивались необходимыми товарами по карточкам. С 1930 г. учителя должны были снабжаться по нормам промышленных рабочих, но полностью эти нормы не выполнялись никогда, тем более на селе. Чтобы получить паёк, учитель должен был добираться до райцентра, но и за 20–30 км от места работы он не получал положенного: кроме муки, продуктов часто не хватало, рыбу выдавали с червями, конопляное масло – с дёгтем и т.д. [20]. Из-за нехватки средств учителя были вынуждены держать собственные огороды и домашний скот. У некоторых учителей, проживавших в зданиях школ, тесных квартирах по соседству или квартировавших у местных жителей, не было в селе своей земли даже под огород. Нередко педагоги выращивали овощи для себя на школьных участках, что, конечно, осуждалось [21]. Наблюдались также случаи, когда учителя летом подрабатывали в колхозах, поскольку на основной работе не могли себя обеспечить [22].

По правилам учителям должно было предоставляться служебное жилье. Квартиры для учителей в специально построенных домах являлись скорее исключением, чем правилом. Чаще под квартиры учителей выделялся расположенный вблизи школы дом. Если такого дома не было или мест в нем уже не хватало, учитель снимал жилье у местных жителей. На съём жилья школьным работникам полагались специальные «квартирные» выплаты, но они не выделялись в том случае, если работник отказался от казённой квартиры – пусть даже причиной отказа

была непригодность предложенного помещения для жилья [23]. То есть работнику могли предложить поселиться в непригодной для жилья избе, а если он отказывался, считали его в жилье не нуждавшимся и «квартирных» не платили.

Снимавшееся у местных жителей жилье не отвечало потребностям учителей. «Мы вынуждены жить в семьях колхозников, где в одной комнате 5–7 человек детей», – взывают к справедливости учителя Дубасовской школы Ширингушского района в 1938 году [24]. Хотя казенные квартиры считались более удобным жильем, чем комнаты в домах колхозников, в документах постоянно подчеркиваются неблагоприятные бытовые условия – теснота учительских квартир, скученность членов семьи, отсутствие света [25, с. 304]. Инспекторы Наркомата просвещения МАССР так описывали домашний быт сельских учителей: «скот в колхозах живет чище, чем учитель в селе. Я зашел в хибарку, где нет света и нет окна, имеется маленькое отверстие, но и это отверстие заткнуто соломой» [26, с. 81].

Таким образом, анализ источников свидетельствует, что нагрузка учителя в Мордовской АССР в 1930-е гг. складывалась в основном из многочисленных учебных занятий. Нехватка кадров, особенно в сельской местности, приводила к работе в несколько смен. Вторым важным элементом в структуре занятости педагогов в 1930-е гг. были общественные поручения вне школы. Общественная работа не оплачивалась, но была ключевым показателем лояльности работника по отношению к советской власти. Перегруженность педагогов учебными часами и общественными поручениями приводила к тому, что подготовка их к урокам и внеклассная работа выполнялись лишь формально; не хватало им времени и на заочное обучение. Что касается оплаты труда учителей, стоит отметить, что её рост во второй половине 1930-х гг. не сделал учительскую профессию престижной, поскольку сочетался с повышением требований к образовательному цензу, задержкой выплат на местном уровне и неудовлетворительным состоянием жилья для педагогов, особенно в сельской местности.

Список литературы

1. Белова Н.А. Повседневная жизнь учителей. М., 2015. 228 с.
2. Юинг Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М., 2011. 359 с.
3. Распределение учителей неполной средней и средней школы по основной специальности и по нагрузке работой в часах недельной // Центральный государственный архив Республики Мордовия. Фонд Р-464. Описание 1. Дело 108. Лист 21.

4. Годовой отчет о проделанной работе Леткинской школы 1-й ступени за 1929/30 учебный год // ЦГА РМ. Ф. Р-297. Оп. 1. Д. 25. Л. 22–29.

5. Отчет об итогах учебно-воспитательной работы начальных школ Мордовской АССР за 1938/1939 учебный год // ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 262. Л. 1–47.

6. Стенограмма совещания заведующих районо и статистических работников Мордовской АССР // ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 90. Л. 1–66.

7. Некоторые итоги работы школ // Красная Мордовия. 1939. № 244. 23 октября. С. 3.

8. Сегодня начнется 2-й областной съезд союза работников просвещения // Красная Мордовия. 1931. № 1. 1 января. С. 4.

9. Школе и учителю – повседневное внимание и заботу // Красная Мордовия. 1934. № 114. 27 мая. С. 3.

10. Стенограмма I республиканского съезда учителей-ударников. Вечернее заседание 17 августа // ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 55. Л. 24–89.

11. Списки политически неблагонадежных работников просвещения Мордовской автономной области // ЦГА РМ. Ф. Р-297. Оп. 2. Д. 33.

12. Паспорт Русско-Паёвской начальной школы Инсарского района // ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 2. Д. 18. Л. 81–84.

13. Заочное обучение учителей // Красная Мордовия. 1938. № 221. 26 сентября. С. 4.

14. Улучшить качество подготовки педагогических кадров // Красная Мордовия. 1939. № 97. 28 апреля. С. 3.

15. Куршева Г.А. Общество. Саранск, 2007. 366 с.

16. Смета расходов по ж.д. школе станции Торбеево // ЦГА РМ. Ф. Р-296. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.

17. Новый порядок оплаты труда учителей начальной и средней школы // Красная Мордовия. 1932. № 28. 2 февраля. С. 4.

18. Докладная по итогам 2-й четверти 1936/1937 учебного года школ Кадошкинского района МАССР // ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 99. Л. 39–76.

19. Ни дров, ни квартирных // Красная Мордовия. 1938. № 49. 1 марта. С. 2.

20. Крепче удар по Абрашкиным и их пособникам // Красная Мордовия. 1934. № 4. 5 января. С. 3.

21. А издержки терпит только школа // Красная Мордовия. 1934. № 31. 9 февраля. С. 4.

22. Немедленно судить виновников безобразного отношения к учителю // Красная Мордовия. 1934. № 170. 3 августа. С. 2.

23. Письмо окружного отдела народного просвещения Торбеевскому районо // ЦГА РМ. Р-296. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.

24. О сельской школе и учителе // Красная Мордовия. 1938. № 259. 12 ноября. С. 3.

25. Акт обследования Ковылкинской образцовой школы Мордовской автономной области в период 21–26 апреля и 3–5 мая 1934 г. // ЦГА РМ. Ф. Р-297. Оп. 1. Д. 33. Л. 297–308.

26. Стенограмма республиканского совещания работников просвещения Мордовской АССР о ликвидации неграмотности и обмену опытом преподавания и воспитания // ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–97.

**«SCHOOL TEACHER'S WORK IS DIFFICULT AND HIGHLY REGARDED»:
WORKLOAD AND WAGE LEVEL OF A SOVIET TEACHER IN THE 1930s
(BASED ON THE MATERIALS OF MORDOVIA)**

E.P. Erokhina

The article focuses on the impact of the Soviet school system reforms of the 1930s on the financial state of school teachers of the Mordovian ASSR. The 1930s were the period when the Soviet school structure was established, unified curricula were developed, and regulatory requirements to school and teachers were defined. The paper describes the effect of increased requirements to the educational process on the status of teachers. Based on the analysis of archive materials and newspaper articles, the author examines the responsibilities of teachers, the peculiarities of their wages and social security, as well as the employment pattern of secondary school teachers in Mordovia during the pre-war period. The problems of teachers' status and the influence of these problems on the prestige of the teaching profession are analyzed. The issues of teachers' public work and their responsibility for political education of pupils are examined in detail.

Keywords: Soviet school, wage, Soviet teacher, financial standing, public work, standard of living, teaching load.

References

1. Belova N.A. Povsednevnyaya zhizn' uchitelej. M., 2015. 228 s.
2. Yuing E.T. Uchitelya ehpoi stalinizma: vlast', politika i zhizn' shkoly 1930-h gg. M., 2011. 359 s.
3. Raspredelenie uchitelej nepolnoj srednej i srednej shkoly po osnovnoj special'nosti i po nagruzke rabotoj v chasah nedel'noj // Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Mordoviya. Fond R-464. Opis' 1. Delo 108. List 21.
4. Godovoj otchet o prodelannoj rabote Letkinskoj shkoly 1-j stupeni za 1929/30 uchebnyj god // CGA RM. F. R-297. Op. 1. D. 25. L. 22–29.
5. Otchet ob itogah uchebno-vospitatel'noj raboty nachal'nyh shkol Mordovskoj ASSR za 1938/1939 uchebnyj god // CGA RM. F. R-464. Op. 1. D. 262. L. 1–47.
6. Stenogramma soveshchaniya zaveduyushchih rajono i statisticheskikh rabotnikov Mordovskoj ASSR // CGA RM. F. R-464. Op. 1. D. 90. L. 1–66.
7. Nekotorye itogi raboty shkol // Krasnaya Mordoviya. 1939. № 244. 23 oktyabrya. S. 3.
8. Segodnya nachnetsya 2-j oblastnoj s"ezd soyuza rabotnikov prosveshcheniya // Krasnaya Mordoviya. 1931. № 1. 1 yanvarya. S. 4.
9. Shkole i uchitelyu – povsednevnoe vnimanie i zabotu // Krasnaya Mordoviya. 1934. № 114. 27 maya. S. 3.
10. Stenogramma I respublikanskogo s"ezda uchitelej-udarnikov. Veчерnee zasedanie 17 avgusta // CGA RM. F. R-464. Op. 1. D. 55. L. 24–89.
11. Spiski politicheski neblagonadezhnyh rabotnikov prosveshcheniya Mordovskoj avtonomnoj oblasti // CGA RM. F. R-297. Op. 2. D. 33.
12. Paspport Russko-Payovskoj nachal'noj shkoly Insarskogo rajona // CGA RM. F. R-464. Op. 2. D. 18. L. 81–84.
13. Zaochnoe obuchenie uchitelej // Krasnaya Mordoviya. 1938. № 221. 26 sentyabrya. S. 4.
14. Uluchshit' kachestvo podgotovki pedagogicheskikh kadrov // Krasnaya Mordoviya. 1939. № 97. 28 aprelya. S. 3.
15. Kursheva G.A. Obschestvo. Saransk, 2007. 366 s.
16. Smeta raskhodov po zh.d. shkole stancii Torbeevo // CGA RM. F. R-296. Op. 1. D. 22. L. 10.
17. Novyj poryadok oplaty truda uchitelej nachal'noj i srednej shkoly // Krasnaya Mordoviya. 1932. № 28. 2 fevralya. S. 4.
18. Dokladnaya po itogam 2-j chetverti 1936/1937 uchebnogo goda shkol Kadoshkinskogo rajona MASSR // CGA RM. F. R-464. Op. 1. D. 99. L. 39–76.
19. Ni drov, ni kvartirnyh // Krasnaya Mordoviya. 1938. № 49. 1 marta. S. 2.
20. Krepche udar po Abrashkinym i ih posobnikam // Krasnaya Mordoviya. 1934. № 4. 5 yanvarya. S. 3.
21. A izderzhki terpit tol'ko shkola // Krasnaya Mordoviya. 1934. № 31. 9 fevralya. S. 4.
22. Nemedlenno sudit' vinovnikov bezobraznogo otnosheniya k uchitelyu // Krasnaya Mordoviya. 1934. № 170. 3 avgusta. S. 2.
23. Pis'mo okruzhnogo otdela narodnogo prosveshcheniya Torbeevskomu rajono // CGA RM. F. R-296. Op. 1. D. 22. L. 6.
24. O sel'skoj shkole i uchitele // Krasnaya Mordoviya. 1938. № 259. 12 noyabrya. S. 3.
25. Akt obsledovaniya Kovylnskoj obrazcovoј shkoly Mordovskoj avtonomnoj oblasti v period 21–26 aprelya i 3–5 maya 1934 g. // CGA RM. F. R-297. Op. 1. D. 33. L. 297–308.
26. Stenogramma respublikanskogo soveshchaniya rabotnikov prosveshcheniya Mordovskoj ASSR o likvidacii negramotnosti i obmenu opytom prepodavaniya i vospitaniya // CGA RM. F. R-464. Op. 1. D. 92. L. 1–97.